

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД «КАВКАЗ – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ И ПАМЯТИ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ: СОБЫТИЯ, УЧАСТНИКИ, СИМВОЛЫ

**Материалы III Всероссийской научной конференции
(г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2022

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

B27

Издается при финансовой поддержке гуманитарного фонда
«Кавказ – новые горизонты»

Редакционная коллегия:

академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор),
д.и.н. *Е.Ф. Кринко* (зам. отв. редактора), *В.И. Афанасенко*,
к.филол.н. *Н.А. Власкина*, к.филол.н. *Т.Е. Грещова*,
к.и.н. *М.В. Медведев*, *Р.Г. Михалюк*

**Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга
В27 России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской
научной конференции** (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.) / [отв. ред.
акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. – 600 с. –
ISBN 978-5-4358-0234-4.

В сборник материалов III Всероссийской научной конференции «Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы» вошли статьи, в которых рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на юге РСФСР/СССР. Особое внимание уделено вкладу народов СССР в победу, специфике боевых действий на южном фланге советско-германского противостояния в 1941–1944 гг., преступлениям нацистов и коллаборационистов на оккупированных территориях и их последствиям, проблемам развития отношений власти и общества, развитию экономики и культуры в 1941–1945 гг., повседневной жизни на фронте, в тылу и в оккупации, а также отражению данных вопросов в мемориальной культуре и памяти советской и постсоветской России и стран ближнего зарубежья.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47)07/08(470.6)(063)

Утверждено на заседании Ученого совета ЮНЦ РАН № 4 от 24.12.2021.

ISBN 978-5-4358-0234-4

© ЮНЦ РАН, 2022

М.В. Ходяков**РЕШЕНИЯ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ЖИЛИЩНЫМ ВОПРОСАМ
В БЛОКИРОВАННОМ ЛЕНИНГРАДЕ. 1941–1943 гг.¹**

Война нанесла серьезный ущерб всему городскому хозяйству Ленинграда. По данным Плановой комиссии Ленинградского городского исполнительного комитета депутатов трудящихся, озвученным в ноябре 1945 г. в процессе обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к новому жилищному строительству, за годы блокады в городе «выбыло полностью» почти 2,5 млн кв. м жилья, или 15 % жилого фонда. Примерно столько же было выстроено в городе с 1917 г. до момента начала Великой Отечественной войны [15: 106].

Вопросы изучения жилищного хозяйства блокадного Ленинграда на протяжении ряда лет находились на периферии внимания историков. По понятным причинам основное внимание уделялось масштабам потерь, которые понес советский народ, и тем героическим усилиям, которые приходилось предпринимать для восстановления мирной жизни. Несмотря на то что отдельные составляющие жилищной проблемы в той или иной мере освещались в исторических исследованиях [12], акцент как в отечественной, так и в зарубежной литературе [17; 18] всё же делался на изучении состояния промышленности, коммунальных служб, решении социальных вопросов послевоенного Ленинграда [10].

В настоящей статье автор рассматривает ряд ключевых решений, принимавшихся руководителями Ленинграда, направленных на упорядочение жилищных вопросов в наиболее сложный период советско-германского противостояния – с начала войны и до момента прорыва блокады в январе 1943 г.

К началу войны в Ленинграде на одного человека в среднем приходилось 5,7 кв. м жилой площади. В действительности в целом ряде рабочих районов города эти показатели были значительно ниже. Обеспеченность свыше 40 % горожан жилой площадью не превышала 3–4 кв. м на человека [15: 9].

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22-28-00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 22-28-00617 «“The Forbidden City”: Housing Policy in Leningrad in the 1940s».

В этих условиях особое значение приобретало максимально эффективное использование всех возможных строений, пригодных для проживания, включая общежития. Накануне войны, 24 апреля 1941 г., исполкомом Ленгорсовета было принято положение «Об управляющем домом», которое обязывало управляющих сохранять доверенный им государством жилой фонд, создавать лучшие условия «обслуживания для проживающего в доме населения». Управляющих домами назначали руководители районных жилищных управлений, а утверждали исполкомы районных советов по согласованию с начальниками отделений милиции [2: 5]. Повседневная жизнь в чрезвычайных условиях блокады вносила коррективы в действия управляющих. Обладая широкими полномочиями (единоличного распоряжения денежными средствами и имуществом домохозяйства, прав осмотра квартир «для служебных надобностей», предъявления исков жильцам за неплатежи квартплаты и т.д.), управляющие домами нередко пользовались своим положением в личных целях.

Ограничить наплыв беженцев и эвакуируемых, хлынувших в город летом 1941 г., должно было ужесточение паспортного режима и правил прописки. Паспортная служба Ленинграда состояла из паспортно-регистрационного отдела Управления рабоче-крестьянской милиции, а также 34 «столов прописки» при городских отделениях милиции [13: 8].

Принятое 30 июля 1941 г. решение исполкома Ленгорсовета обязывало управдомов, комендантов и домовладельцев «строго следить за лицами, вновь прибывшими на проживание в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». Ответственные лица, допустившие проживание в доме людей без паспортов или без прописки, подвергались административному наказанию – штрафу в размере до 3000 руб. – или осуждались к лишению свободы сроком до 6 месяцев [3: 1].

Жилищная политика, реализовывавшаяся в Ленинграде, на начальном этапе войны «шла в ногу» с общесоюзными законодательными актами. В частности, постановление СНК СССР от 5 августа 1941 г. предусматривало сохранение жилплощади за всеми военнослужащими, находившимися в рядах Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД [5: 6]. Эта практика действовала и в Ленинграде, однако с некоторыми оговорками: жилье военнослужащих находилось

на особом учете, но при этом оно могло быть временно занято с разрешения районных или городских властей.

Как руководство к действию в городе было воспринято и другое решение правительства. 16 февраля 1942 г. СНК СССР принял постановление, в соответствии с которым рабочие и служащие, эвакуировавшиеся на восток страны с предприятиями, лишались своей жилплощади на старом месте проживания, поскольку должны были получить жилье уже на новом месте [6: 1]. В ряде случаев это приводило к отказу ленинградцев от эвакуации, стремившихся всеми возможными способами остаться в городе.

Одновременно с этим специфика города-фронта накладывала свой отпечаток на действия ленинградского руководства. Так, с 11 сентября 1941 г. в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета разрешалась временная прописка в Ленинграде граждан, эвакуированных из прифронтовой полосы и поселившихся у родственников или знакомых [4: 3]. А еще через две недели, 27 сентября, новым решением исполкома, принятым на «основании указания военных властей», допускалось вселение по временным ордерам в пригодные для жилья учебные и «учрежденческие помещения», а также «в порядке уплотнения» той части ленинградцев, которые были переселены из окраинных районов города, ставших зоной военных действий, в центральные районы [5: 1].

После первой блокадной зимы 1941/1942 г. и огромной смертности среди гражданского населения, составлявшей только в январе – марте 100 тыс. человек ежемесячно [14: 307], перед органами исполнительной власти встал вопрос учета жилья вследствие кончины съемщиков или их эвакуации. Упорядочить распределение освободившейся жилой площади было призвано решение от 2 марта 1942 г. за подписью председателя исполкома Ленгорсовета П.С. Попкова. В нем речь шла об учете жилплощади умерших, эвакуированных и военнослужащих. Выделение комнат и квартир нуждающимся должно было производиться по ордерам за подписью председателя исполкома районного совета [6: 5].

Решением исполкома Ленгорсовета от 19 мая 1942 г. жилищные отделы исполкомов районных советов получали дополнительные функции. Теперь на них возлагалась обязанность организовывать охрану и проверку сохранности имущества граждан, эвакуированных из Ленинграда, находящихся в РККА или умерших. Положение

о жилищных отделах исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, разработанное Ленжилуправлением, предусматривало организацию учета жилищными отделами свободной жилой площади в домохозяйствах района: рассматривались заявления населения о предоставлении жилой площади и об улучшении жилищных условий. После чего вносили на рассмотрение исполкома районного совета проекты решений о предоставлении жилой площади на основе постоянных или временных ордеров [7: 12].

В соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 24 июня 1942 г. был начат единовременный учет текущих изменений, произошедших в муниципализированном жилом фонде. К началу войны этот фонд насчитывал в Ленинграде 19,6 тыс. строений, что составляло 95,9 % общего количества жилой площади города [11: 3].

«Блокадная муза» поэтесса О.Ф. Берггольц, подыскавшая себе в это время новую квартиру, записала в дневнике 9 июля 1942 г.: «...мы... переехали с нашего 7 этажа из “блиндажа” с небом – в пятый этаж, в отдельную квартирнку из 2-х комнат. Это, как и сотни квартир в Ленинграде, вымершая квартира. Ее хозяин, какой-то киноактер, убит на фронте, брат его умер зимой... Я разбирала и осваивала всё это, расставляла мебелишку, раскладывала наше белье со смутным многослойным чувством недоумения, иронии и печали. Мой быт накладывался на чей-то чужой, потухший, умерший быт. Меня не покидало ощущение, что это – чужая квартира, что хозяева еще могут вернуться, хотя я знаю, что этого не будет» [1: 242–243].

В складывавшихся условиях произвести точный учет муниципального жилья, как планировал Ленгорсовет, оказалось непросто, поскольку 25 августа 1942 г. был объявлен месячник (с 1 сентября по 1 октября) по заготовке дров [8: 1]. В ходе его проведения подверглись слому многие деревянные дома. По официальным данным, перед войной из 19,6 тыс. домов города 10,5 тыс. были деревянными [15: 30]. Один из ведущих архитекторов Ленинграда Н.В. Баранов, выступая на заседании Плановой комиссии в ноябре 1945 г., признавал, что в строительство и содержание бараков на протяжении длительного времени вкладывались колоссальные средства: «...миллионы рублей тратим на заплаточный ремонт, а люди живут в плохих условиях» [16: 11].

В ходе сноса деревянных домов решалась задача обеспечения топливом предприятий, учреждений и населения. Одновременно с этим ленинградцы, выселяемые из деревянных строений, получали постоянные ордера для вселения в пустующие квартиры и комнаты. Не подлежала заселению лишь жилплощадь видных деятелей искусства, культуры и науки, а также военнослужащих [8: 6].

Жилищный кризис ненадолго ослаб лишь осенью 1942 г. Уже 12 февраля 1943 г. исполком Ленгорсовета был вынужден принять постановление, которым запрещал руководителям всех предприятий, учреждений и организаций вызывать в Ленинград граждан, проживающих постоянно или временно в других краях или областях СССР. Управлению милиции запрещалось прописывать прибывающих в Ленинград с нарушением установленного порядка, то есть без разрешения исполкома Ленгорсовета. Их надлежало выселять «из города в административном порядке в течение 24 часов» [9: 6].

Таким образом, в годы блокады Ленинграда решения городских властей по жилищным вопросам отражали общесоюзные тенденции. Вместе с тем они были продиктованы и региональной спецификой – наличием большого количества деревянных домов, часть из которых находилась в аварийном состоянии и подлежала сносу. Громадная смертность населения в первую блокадную зиму, а также эвакуация сотен тысяч ленинградцев позволили городскому руководству заселить пустующие квартиры. Однако начавшаяся вскоре реэвакуация промышленных предприятий и населения привели к необходимости введения серьезных ограничений для въезжающих в Ленинград, превратив его на время в «закрытый город».

Источники и литература

1. *Берггольц О.Ф.* Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015.
2. Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (далее – Бюллетень ЛГС). 1941. № 21–22.
3. Бюллетень ЛГС. 1941. № 30.
4. Бюллетень ЛГС. 1941. № 36.
5. Бюллетень ЛГС. 1941. № 37.
6. Бюллетень ЛГС. 1942. № 5–6.
7. Бюллетень ЛГС. 1942. № 12.

8. Бюллетень ЛГС. 1942. № 16.
9. Бюллетень ЛГС. 1943. № 3–4.
10. *Ваксер А.З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005.
11. Домовый фонд Ленинграда. Статистический сборник по материалам инвентаризации. Л., 1937.
12. *Иванов В.А., Иванов Д.В.* ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // *Война и блокада: сб. памяти В.М. Ковальчука / отв. ред. А.Н. Чистиков.* СПб., 2016. С. 97–112.
13. Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. / отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2020.
14. *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11. № 2. С. 294–323.
15. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2076. Оп. 2. Д. 71.
16. ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 5. Д. 22.
17. *Filtzer D.* Standard of Living versus Quality of Life: Struggling with the Urban Environment in Russia during the Early Years of Post-War Reconstruction // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Fürst.* London; N. Y., 2006. P. 81–102.
18. *Manley R.* Where Should We Resettle the Comrades Next? The Adjudication of Housing Claims and the Construction of the Post-War Order // *Late Stalinist Russia: Society Between Reconstruction and Reinvention / ed. by J. Fürst.* London; N. Y., 2006. P. 233–246.

С.А. Хубулова, С.О. Кудзиева

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ НОВЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

Несмотря на солидную историографическую базу и сложившиеся в ней традиции, в изучении истории Великой Отечественной войны

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований проекта № 21-09-43008 СССР.

Состин Дмитрий Игоревич – канд. ист. наук (Филиал МИРЭА – Российского технологического университета в г. Ставрополе)

Стасева Алла Борисовна (независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону)

Судоргин Николай Геннадьевич – канд. хим. наук (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону)

Султанбеков Рабадан Магомедович – канд. ист. наук (Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала)

Татаринов Игорь Евгеньевич – канд. ист. наук (Луганский национальный университет имени В. Даля, г. Луганск, ЛНР)

Терушкин Леонид Абрамович (Научно-просветительный центр «Холокост», г. Москва)

Тимофеев Алексей Юрьевич – д-р ист. наук (Университет Белграда, Республика Сербия)

Третьякова Елена Юрьевна – д-р филол. наук (Южный филиал Российского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, г. Краснодар)

Тюменцев Игорь Олегович – д-р ист. наук (Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Волгоград)

Тогель Елена Александровна (Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Неклиновский район Ростовской области)

Хатуев Ислам Заутдинович – канд. ист. наук (Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, г. Грозный)

Ходяков Михаил Викторович – д-р ист. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург)

Хубулова Светлана Алексеевна – д-р ист. наук (Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ)

Шевченко Кирилл Владимирович – д-р ист. наук (Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, Республика Беларусь)

Шмыгаль Игорь Анатольевич (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)

Шкрибिटько Елена Александровна – канд. ист. наук (Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР)

Шпагин Сергей Алексеевич (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Ростов-на-Дону)

Шпрингер Ольга Александровна (независимый исследователь, г. Новокузнецк Кемеровской области)

Щербанов Владимир Кириллович (Ростовское региональное отделение Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», г. Ростов-на-Дону)